

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**РОССИЯ И ЕС НА ПЕРЕПУТЬЕ
ОБЩИЕ И РАСХОДЯЩИЕСЯ ИНТЕРЕСЫ**

№ 31 / 2016

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2016

УДК [327+339.923](470+571):061.1EU
ББК 65.59(2Рос)+66.4(2Рос),9(4),60+66.4(4),60
314

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Автор:

канд. ист. наук **А.В. Загорский**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**;

канд. полит. наук **Н.С. Евтихевич**; **А.В. Пономарева**

Загорский, А.В.

314 Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы. Рабочая тетрадь №31/2016 / [А. В. Загорский]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2016. — 28 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978–5–9906577–7–9

Россия и ЕС считают, что сохранить формат привычного сотрудничества (т. е. вернуться к его состоянию до украинского кризиса) невозможно. Однако ни одна из сторон не уточняет, какими именно аспектами отношений докризисного периода она готова пожертвовать, за исключением намерений о стратегическом партнерстве. Ни одна из сторон до сих пор не предложила концепцию будущих отношений, на основе которой можно построить новый формат взаимодействия. В рабочей тетради проанализированы общие и расходящиеся интересы России и ЕС, рассмотрены механизмы сотрудничества, сформулированы рекомендации, направленные на возобновление сотрудничества.

УДК [327+339.923](470+571):061.1EU

ББК 65.59(2Рос)+66.4(2Рос),9(4),60+66.4(4),60

Высказанное в рабочей тетради мнение отражает исключительно личные взгляды и исследовательские позиции автора и может не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper31

Источники фото на обложке: REUTERS/Yves Herman, REUTERS/Stoyan Nenov, REUTERS/Christian Charisius.

© А.В. Загорский, 2016

© Составление и оформление. НП РСМД, 2016

Содержание

1. Методологические ограничения	5
2. Общие интересы	7
2.1. Экономические интересы	8
2.2. Внешняя безопасность	9
2.3. Свобода передвижения	12
3. Расходящиеся интересы	14
4. Механизмы сотрудничества	18
5. Выводы и рекомендации	20
6. Приложения	22
Об авторе	25

«Отношения между ЕС и Россией — одна из крупнейших и сложнейших проблем европейской политики и международных отношений. Она затрагивает все значимые сферы интересов ЕС и России — энергетику, изменение климата, торговлю, безопасность, преступность, миграцию, Ближний Восток, Иран, Балканы...

За XX век эти отношения прошли через множество разных этапов: рождения советского коммунизма, совместной борьбы с нацистской угрозой и ядерного противостояния холодной войны. Я считаю, что в XXI веке нашей целью должно оставаться углубление партнерских отношений, основанных на широкой экономической интеграции всего европейского континента — включая Россию.

Достичь такого партнерства — нелегкая и непростая задача. Мы должны занять дальновидную стратегическую позицию в этих отношениях. Но сейчас отношения между ЕС и Россией проходят через сложный период. Подобный уровень непонимания и даже недоверия в последний раз наблюдался только во времена холодной войны. Напряжение и неопределенность нарастают как в самой России, так в соседних с ней странах, а также в отношениях России с Европейским союзом и его государствами-членами. Каждая сторона подозревает другую в применении двойных стандартов. Обе обвиняют друг друга в использовании энергетического оружия в политических целях.

И ЕС, и Россия считают, что они заслуживают большего уважения и проявления доброй воли».

«ЕС и Россия: наш общий политический вызов»
Речь Питера Мандельсона
Болонья, 20 апреля 2007 г¹.

¹ The EU and Russia: our joint political challenge. Speech by Peter Mandelson. Bologna, 20 April 2007. URL:http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2007/april/tradoc_134524.pdf

1. Методологические ограничения

Именно так бывший еврокомиссар по торговле Питер Мандельсон охарактеризовал отношения России и ЕС десять лет назад. Выступив с этой неожиданной откровенной публичной речью, он нарушил правила политкорректности, однако и сегодня, когда П. Мандельсон уже сложил с себя полномочия еврокомиссара, эта характеристика остается, на мой взгляд, наиболее точной. Стагнация в российско-европейских отношениях сменяется лишь ухудшением, и после украинского кризиса в этом процессе начался новый этап.

Предупреждение бывшего еврокомиссара, как и многие другие, услышано не было. В течение всего прошедшего десятилетия и особенно в ходе нынешнего кризиса Россия и ЕС сохраняют уверенность в собственной правоте, полагая, что другая сторона была не права ни в прошлом, ни сейчас. Поэтому любая попытка переосмыслить или заново определить общие интересы, с тем чтобы восстановить нарушенные отношения, сегодня крайне полезна и должна приветствоваться. Однако следует помнить об ограничениях этого метода: ни общие, ни различающиеся интересы сторон не отличаются новизной, но общность интересов России и ЕС не помогла предотвратить нынешний кризис.

И Россия, и ЕС согласны в том, что возврат к прежнему формату сотрудничества, существовавшему до украинского кризиса, невозможен. Однако ни одна из сторон не уточняет, какими именно аспектами отношений докризисного периода она готова пожертвовать, за исключением риторики о стратегическом партнерстве. Не была предложена и концепция будущих отношений, на основе которой можно построить новый формат взаимодействия.

Выявление общих интересов и акцент на них — широко признанный метод стимулирования сотрудничества в условиях противоречий. Прийти к согласию по интересам, которые являются общими для обеих сторон, и периодически напоминать об их существовании — неотъемлемая часть любых попыток налаживания отношений после конфликта. Однако этот метод, как и любой другой, не гарантирует, что общность интересов возьмет верх над разногласиями.

Во-первых, общие интересы не всегда находят отражение в политической сфере. Они могут быть важными сами по себе, однако в условиях конфликта имеют лишь относительную ценность и зависят от предмета спора. Общие интересы России и ЕС сегодня не так уж сильно отличаются от их интересов трех-, пяти- или десятилетней давности. Однако это не спасло Россию и ЕС от постепенного ухудшения отношений в предкризисный период и тем более во время кризиса. Поэтому нет никаких гарантий того, что переосмысление общих интересов принципиально изменит ситуацию. Особенно если учесть новые политические реалии — воцарившуюся атмосферу недоверия между Россией и Западом и глубокий раскол по ряду принципиальных вопросов, которые во многом затмевают любые другие соображения.

Во-вторых, даже если общие интересы будут признаны и поставлены выше существующих разногласий, останется структурная несовместимость (дьявол кроется в деталях), которая часто мешает переводу выявленных общих интересов в практическую плоскость. История сотрудничества России и ЕС задолго до украинского кризиса служит примером того, как могут быть упущены возможности для решения несложных с виду проблем: начиная с того, что мы так и не реализовали разумные предложения по оптимизации процедур таможенной очистки товаров на границе России и ЕС, и заканчивая безуспешными попытками наладить сотрудничество по вопросам внешней безопасности, несмотря на заявленную политическую волю.

В течение последних двадцати лет происходило сближение представлений России и ЕС об угрозах их безопасности: главные источники таких угроз усматривались ими преимущественно в транснациональной деятельности негосударственных субъектов. Но стороны так и не смогли увидеть друг в друге партнеров в борьбе с этими угрозами. Ими были сформулированы различные ответы на схожие или одинаковые угрозы, а деятельность по их отражению осуществляется на основе не взаимодействующих друг с другом евразийских и ЕСовских структур и институтов ².

В-третьих, переосмысление общих интересов и определение нового характера отношений России и ЕС осложняется тем, что ЕС не является суверенным субъектом политики. «Интересы ЕС» в реальности представляют собой эклектическую смесь или общий знаменатель (зачастую – наименьший общий знаменатель, особенно сейчас, когда в ЕС существует раскол по вопросу о том, какую политику следует проводить в отношении России) порой существенно отличающихся друг от друга позиций государств-членов.

Содержание внутреннего компромисса в ЕС может со временем существенно меняться, особенно в переломные моменты. Украинский кризис оказался в этом отношении серьезным испытанием, и пока в ЕС продолжают споры о том, какой должна быть его новая политика в отношении России, наименьший общий знаменатель, судя по всему, сводится к отсутствию какой-либо внятной политики.

Таким образом, несмотря на наличие общих интересов, Россия и ЕС сегодня оказались на перепутье, и им еще предстоит выбрать дальнейший курс.

² См., в частности, более ранний анализ: Zagorski, A. The limits of a global consensus on security: the case of Russia // L. Peral (Ed.). Global security in a multipolar world. Chaillot paper. 2009, No. 118, pp. 82-83.

2. Общие интересы

Ни один из общих интересов, отмечаемых при обсуждении современных отношений России и ЕС, не является новым. Их перечень довольно обширен³ и включает, в частности, такие пункты как:

- экономические интересы (торговля, инвестиции, финансовое сотрудничество и т. д.);
- общие угрозы безопасности – распространение оружия и технологий массового уничтожения или международного терроризма;
- сотрудничество по урегулированию региональных кризисов или по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким как ядерная программа Ирана, ситуация на Ближнем Востоке, химическое разоружение Сирии или политическое урегулирование сирийской гражданской войны;
- урегулирование украинского кризиса и выполнение минских соглашений;
- урегулирование затяжных конфликтов, таких как в Нагорном Карабахе и Приднестровье;
- борьба с пиратством и трансграничной организованной преступной деятельностью, включая торговлю людьми и преступность в киберпространстве;
- укрепление регионального сотрудничества, в том числе в регионе Балтийского моря и в Центральной Азии на фоне создания нового «Шелкового пути»;
- сотрудничество в противодействии изменению климата;
- развитие научно-технического сотрудничества, в том числе в области освоения космоса и ядерной энергетики;
- поощрение регионального и приграничного сотрудничества, контактов между людьми и т. д.

В качестве очевидных общих интересов часто рассматриваются восстановление европейской системы безопасности, а также поддержание и укрепление стабильного международного порядка и функционирования системы Организации Объединенных Наций. Определение нового *modus vivendi* в отношениях России и ЕС – важная составная часть этой работы.

Несмотря на текущий кризис, практическое сотрудничество по многим направлениям продолжается – просто в менее публичном формате. Так, в частности, обсуждение вопросов торговой политики, согласование позиций по представляющим взаимный интерес пунктам повестки дня ВТО или «Группы двадцати», гармонизация технических регламентов продолжают

³ См., в частности: Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Новая повестка отношений между Россией и ЕС. Российский совет по международным делам. Аналитическая записка №4, 2016.

на рабочем (экспертном) уровне, а эпизодически и на уровне министров даже после приостановления официальных встреч в рамках институтов сотрудничества Россия–ЕС.

Иранская ядерная программа и Сирия — наиболее часто упоминаемые примеры взаимодействия России и ЕС. Они отнюдь не являются исключениями, а составляют часть продолжающегося диалога и сотрудничества по широкому кругу вопросов международной безопасности. Так, в международной конференции по Ближнему Востоку, состоявшейся в Париже в июне 2016 года по инициативе Франции, Россия участвовала в качестве одного из членов Квартета по ближневосточному урегулированию наряду с США, ЕС и ООН⁴. Это верно и в отношении более широкого сотрудничества между Россией и Западом (происходящего без участия ЕС). Показательными примерами здесь являются сотрудничество России, США и НАТО в процессе вывода войск из Афганистана, продолжавшееся в 2015 году, и возобновление финансирования поставок российских запасных частей для вертолетов, стоящих на вооружении афганской армии и сил безопасности.

Многообразие общих интересов России и ЕС можно сгруппировать на пяти основных направлениях:

- экономическое сотрудничество, включая торговое, энергетическое, инвестиционное и финансовое, которое пострадало, но не прекратилось в ходе текущего кризиса;
- регулирование кризисов вне Европы;
- борьба с трансграничными угрозами, особенно с международным терроризмом;
- обращение вспять тенденции к взаимному отчуждению между российским и европейским обществами путем поощрения контактов между людьми;
- восстановление европейского порядка и определение нового *modus vivendi* в отношениях между Россией и ЕС.

Защита общих интересов в этих областях зависит не только от восстановления диалога и сотрудничества между Россией и ЕС, но и от преодоления структурных проблем, которые не позволили сторонам сформировать устойчивое партнерство до наступления нынешнего кризиса.

2.1. Экономические интересы

И Россия, и ЕС испытывают экономические последствия санкций и контрсанкций, принятых во время украинского кризиса. Но проявляются они для каждой из сторон по-своему.

Спад взаимной торговли особенно ощущался в 2014 и 2015 годах: в 2015 году объем товарооборота сократился на треть по сравнению с 2013 годом. Россия, являвшаяся третьим по значимости торговым партнером ЕС с 2004 года, уступила эту позицию Швейцарии (см. рис. 1).

⁴ Israel-Palestine Peace Conference in Paris Set to Happen Early June // Sputnik.com. May 17, 2016. URL: <http://sputniknews.com/middleeast/20160517/1039748197/israel-palestine-peace-conference.html>

В том же 2015 году на четверть сократилась выручка от российского экспорта в ЕС. Но это было связано не столько с санкциями, сколько с падением цен на сырую нефть, нефтепродукты и природный газ, составлявшие в этот период 68% всего российского экспорта в ЕС. В то же время по ряду других товарных групп Россия, несмотря на снижение курса рубля, даже нарастила свой экспорт в ЕС (см. рис. 2) и физический объем поставок энергоносителей.

При этом в 2015 году почти на 40% по сравнению с 2013 годом сократился экспорт из ЕС в Россию. Ответные санкции сыграли в этом весьма существенную роль. В первую очередь сокращение коснулось продовольствия и промышленных товаров, особенно машин и оборудования (см. рис. 3).

Россия же пострадала в основном из-за финансовых и отраслевых санкций, во многом ставших причиной девальвации рубля, финансовой нестабильности и двухлетнего экономического спада. Замедлилась модернизация, тогда как ни программы импортозамещения, ни «поворот к Азии» (Китаю) не стали решением проблемы ввиду отсутствия необходимых инвестиций и технологий.

Несмотря на негативные тенденции последних лет, Россия и ЕС остаются друг для друга ключевыми экономическими партнерами и останутся ими в будущем. На Европейский союз по-прежнему приходится более половины российского экспорта и более 40% – импорта. Как показано на рис. 4 и 5, в экономическом отношении никакого поворота России к Азии не произошло. Азиатские и, в частности, китайский рынки являются важным дополнением, но не альтернативой сотрудничеству России с ЕС в сферах торговли, инвестиций и финансового сотрудничества. Торговое, финансовое, инвестиционное и энергетическое партнерство останется неотъемлемой частью отношений Россия–ЕС в будущем.

2.2. Внешняя безопасность

Логическим следствием формирования Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) в начале прошлого десятилетия стало формулирование Россией и ЕС амбициозных планов взаимодействия по вопросам безопасности в Европе и в мире⁵. В их общую повестку дня был включен широкий круг вопросов, таких как регулирование кризисов, нераспространение оружия массового уничтожения, контроль над вооружениями, борьба с транснациональной преступностью и терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и т. д. В 2005 году перспективные направления совместной деятельности в этих областях были конкретизированы в «Дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности⁶.

Обе стороны возлагали большие надежды на активизацию сотрудничества, в первую очередь, в области международного **регулирувания кризисов**.

⁵ Краткий обзор истории консультаций России и ЕС по вопросам регулирования кризисов см.: Сферы сотрудничества. Кризисное регулирование // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <http://russiaeu.ru/ru/sfery-sotrudnichestva>.

⁶ «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности. 2005. URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_russian.pdf.

В совместной декларации, подписанной на встрече на высшем уровне в Париже в 2000 году⁷, говорилось о необходимости:

- учредить специальные консультации по вопросам безопасности и обороны;
- развивать стратегический диалог по вопросам, в частности в области безопасности, затрагивающим Российскую Федерацию и Европейский союз;
- расширять спектр регулярных консультаций на экспертном уровне по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения;
- развивать сотрудничество в области оперативного регулирования кризисов.

В 2002 году Россия и ЕС приняли решение углублять практическое сотрудничество в таких областях, как предотвращение конфликтов, разминирование, а также возможное использование Евросоюзом российских широкофюзеляжных транспортных самолетов⁸. Была достигнута договоренность об обсуждении модальностей российского участия в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине. Стороны договорились также информировать друг друга об итогах их ключевых международных контактов и переговоров по вопросам, относящимся к безопасности и регулированию кризисов, и обсудить конкретные аспекты и предложения по сотрудничеству и совместным действиям⁹.

Однако взаимодействие России и ЕС по регулированию кризисов так и не увенчалось успехом. Несмотря на положительный опыт сотрудничества, в первую очередь, участие российской авиационной группы в операции ЕС в Чаде и ЦАР в 2008–2009 годах и координацию военно-морской деятельности в Аденском заливе, Россия и ЕС не смогли придать этому эпизодическому сотрудничеству соответствующую институциональную форму.

Москва не готова была довольствоваться принятыми ЕС в Севилье в 2002 г. «Модальностями для консультаций и сотрудничества между Европейским союзом и Россией по регулированию кризисов»¹⁰, определявшими порядок участия России в операциях ЕС. Москва настаивала на признании равного статуса сторон или, по меньшей мере, на том, чтобы в рамочном договоре и других документах, составляющих нормативно-правовую основу совместного регулирования кризисов, была предусмотрена возможность участия ЕС в российских операциях, а также возможность принятия совместных решений о совместных действиях.

Разочаровавшись в структурах командования и управления операциями ЕПБО, российское военное руководство не воспринимало Военный комитет

⁷ Совместная декларация встречи на высшем уровне Россия – Европейский Союз, Париж, 30 октября. 2000 года. URL: http://www.mid.ru/ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/60iYovt2s4Yc/content/id/596848.

⁸ Приложение I. Совместное заявление о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по регулированию кризисов и вопросам безопасности. Москва, 29.05. 2002 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3485>

⁹ Там же.

¹⁰ Annex IV. Arrangements for Consultation and Cooperation between the European Union and Russia on Crisis Management // From Laeken to Copenhagen. European defence: core documents. Chaillot paper, compiled by Jean-Yves Haine. Paris: EUISS, 2003, Vol. III, pp. 90-92.

и Военный штаб ЕС в качестве адекватных партнеров для военного сотрудничества в условиях, когда полноценный постоянный военно-штабной орган ЕС так и не был создан. В результате взаимодействие России и ЕС в сфере регулирования кризисов так и не стало реальной альтернативой участию России в миротворческих операциях НАТО на Балканах, из которых Россия вышла в 2003 году¹¹.

Тем не менее, Россия и ЕС продолжили проведение регулярных политических консультаций по широкому кругу вопросов международной безопасности, сверяя свои позиции и взаимодействуя в поиске политических решений международных проблем, представляющих взаимный интерес. Урегулирование совместно с США ситуации вокруг ядерной программы Ирана – один из примеров успешного сотрудничества между ними. Однако попытки должным образом институционализировать политический диалог по вопросам международной безопасности, предпринимавшиеся на протяжении последних 15 лет, не увенчались успехом. Поначалу предполагалось, что ключевым звеном соответствующего механизма станет регулярный диалог между «тройкой» Комитета ЕС по вопросам политики и безопасности и постоянным представителем России при ЕС¹². Однако после вступления в силу Лиссабонского договора этот канал взаимодействия утратил свою актуальность.

Россия и ЕС так и не изучили возможность создания Комитета Россия–ЕС по вопросам внешней политики и безопасности, который, как предлагалось, мог бы стать форумом высокого уровня для обмена мнениями по текущим вопросам международной повестки дня в сфере внешней политики и безопасности, разработки основных принципов проведения совместных военных и гражданских операций по регулированию кризисов. Такой Комитет мог бы также «проводить обмен мнениями и выработку рекомендаций по конкретным вопросам сотрудничества, включая различные конфликты и кризисные ситуации, в содействии урегулированию которых участвуют Россия и Евросоюз в рамках соответствующих международных форматов»¹³. Вследствие украинского кризиса обсуждение данной инициативы вряд ли возобновится в ближайшие годы.

Таким образом, консультации между постоянным представителем России при ЕС и Комитетом ЕС по вопросам политики и безопасности остаются главным каналом поддержания регулярного обмена мнениями по вопросам внешней безопасности.

Нераспространение оружия массового уничтожения и контроль над вооружениями никогда не занимали заметное место в сотрудничестве России и ЕС. Единственным значимым исключением стало взаимодействие по иранскому ядерному досье. В остальном же, если не считать участие ЕС в деятельности Международного научно-технического центра, учрежденного в Москве в 1990-е годы, сотрудничество на этих направлениях ограничилось включе-

¹¹ Загорский А.В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 87.

¹² Приложение I. Совместное заявление о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по регулированию кризисов и вопросам безопасности. Москва, 29.05. 2002 г.

¹³ Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и Федерального канцлера Германии А. Меркель 4-5 июня 2010 года, г. Мезеберг. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/575>

нием соответствующих вопросов в повестку дня политических консультаций и продвижением в более широких международных форматах совпадающих или совместимых позиций по таким вопросам, как нераспространение ядерного оружия, режимы конвенций о запрещении химического и биологического оружия, всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний или укрепление и расширение режимов экспортного контроля¹⁴. Несмотря на схожесть позиций по широкому кругу вопросов, по очевидным причинам Россия и ЕС так и не перешли к конкретным совместным мерам в области контроля над вооружениями.

Аналогичная картина сложилась в сфере сотрудничества в области **борьбы с международным терроризмом**¹⁵. После того как стороны сформулировали свои ответы на этот общий вызов, их практическое сотрудничество свелось к подписанию в 2003 году соглашения между Россией и Европолем¹⁶ и регулярному обмену информацией. В остальном же Москва и Брюссель сосредоточились на сотрудничестве в рамках международных и региональных форумов, с тем чтобы обеспечить скорейшее подписание и ратификацию соответствующих универсальных конвенций и протоколов по борьбе с терроризмом, беспрепятственное и быстрое выполнение соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, скорейшее завершение работы над Всеобъемлющей конвенцией ООН по борьбе с международным терроризмом и международной конвенцией по борьбе с актами ядерного терроризма, наращивание совместных усилий по прекращению финансирования терроризма, включая замораживание счетов и других финансовых средств террористов в рамках деятельности Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Важным направлением сотрудничества стало также взаимодействие с третьими странами и поддержка их в осуществлении резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности ООН¹⁷.

2.3. Свобода передвижения

Отмену визового режима едва ли можно отнести к подлинно общим интересам или направлениям успешного сотрудничества России и ЕС. Этот вопрос активно поднимала Москва. Особенно после того, как безвизовый режим между Россией и странами Центрально-Восточной Европы был отменен последними в процессе вступления в ЕС в связи с их предстоявшим присоединением к Шенгенскому соглашению. Либерализацию визового режима поддерживали многие круги в ЕС, в том числе – бизнес сообщество и организации гражданского общества. Такое решение представляется логичным и с учетом количества шенгенских виз, ежегодно выдаваемых россиянам

¹⁴ Краткий обзор см. в материале: Сферы сотрудничества. Нераспространение, экспортный контроль, разоружение // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе.

¹⁵ См. краткую справку по данному вопросу: Сферы сотрудничества. Борьба с трансграничной преступностью и терроризмом // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе.

¹⁶ Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией. 06.11.2003 г. URL: http://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_co_operation_between_the_european_police_office_and_the_russian_federation_2003_russian.pdf.

¹⁷ Совместное заявление о борьбе с терроризмом. Принято в Брюсселе 11 ноября 2002 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3538>.

(см. рис. 6). Однако у отмены виз в ЕС есть и противники¹⁸. Этот вопрос часто рассматривается в контексте миграционных проблем¹⁹ и выполнения Соглашения между Российской Федерацией и Европейским союзом о реадмиссии 2006 года²⁰.

По этим причинам диалог о либерализации визового режима между Россией и ЕС²¹ был непростым. Подписав Соглашение об упрощении выдачи виз в 2006 году²², в 2011 году стороны начали переговоры о дальнейшей либерализации визовой политики. Параллельно в 2007 году был инициирован т. н. безвизовый диалог. Он включал четыре тематических блока: защищенность документов и биометрических данных, незаконная миграция, включая реадмиссию, общественный порядок и безопасность, внешние связи. В 2010 году завершилась исследовательская стадия безвизового диалога, в ходе которой были изучены существующая законодательная база и правоприменительная практика России и ЕС. В 2011 году стороны одобрили перечень совместных шагов по переходу к безвизовому режиму для краткосрочных поездок граждан России и ЕС. Однако в марте 2014 года этот диалог был приостановлен – вскоре после того, как Постоянный совет партнерства по вопросам свободы, безопасности и правосудия констатировал необходимость активизировать реализацию совместных шагов с учетом рекомендаций, подготовленных экспертами ЕС и России²³.

Учитывая современное состояние отношений между Россией и ЕС, трудно ожидать, что стороны в ближайшем будущем вернуться к активному визовому диалогу.

¹⁸ Глубокий анализ сформировавшихся в ЕС позиций по данному вопросу см.: Salminen, M.-M., Moshes, A. Practise what you preach. The prospects for visa freedom in Russia-EU Relations. FIIA Report. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, No.19, 2009.

¹⁹ Сферы сотрудничества. Вопросы миграции // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе.

²⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии. 25.05.2006 г. URL: http://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_readmission_2006_russian.pdf

²¹ См: Сферы сотрудничества. Визовые вопросы // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе.

²² Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза. 25.05. 2006 г. URL: http://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_the_facilitation_of_the_issuance_of_visas_2006_russian.pdf

²³ Progress Report approved by the Coordinators of the EU—Russia Partnership for Modernization for information to the EU—Russia Summit on 28 January 2014. January 28, 2014. p. 5.

3. Расходящиеся интересы

Помимо специфических проблем в конкретных областях сотрудничества, за последние полтора десятилетия накопился ряд фундаментальных разногласий, сдерживавших развитие партнерских отношений между Россией и ЕС.

Прежде всего, в то время как ЕС рассматривал Россию как одного из своих восточных соседей, которые «должны были европеизироваться, не став при этом участниками всех институтов» ЕС²⁴, Москва рассчитывала на **особое отношение к себе как к равноправному партнеру, а не просто как к еще одному соседу** ЕС²⁵. Прежде всего Россия стремилась избежать односторонней адаптации своего законодательства с нормативной базой ЕС, как это было предусмотрено для ряда отраслей права Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 года²⁶. Однако желание закрепить полное равенство сторон и принцип взаимности в их отношениях распространялось практически на все области сотрудничества.

Казалось, что эта проблема была по крайней мере временно решена в ходе согласования концепции общего европейского экономического пространства (ОЕЭП), утвержденной в 2003 году. Эта концепция исходила из *выборочного* принятия Россией норм законодательства ЕС. При этом акцент был сделан на развитии *совместимых, но не обязательно общих* правил, систем регулирования и административной практики²⁷. Несмотря на амбивалентность ряда положений концепции ОЕЭП²⁸, она была положена в основу отраслевых диалогов между Россией и ЕС, начатых после подписания в 2005 г. «Дорожной карты» по общему экономическому пространству²⁹. В ней были перечислены области, в которых стороны намеревались обеспечить совместимость их систем регулирования. Однако этот консенсус оказался под вопросом после того как Москва стала рассматривать в качестве приоритетной задачи своей политики не формирование общего экономического пространства с ЕС, а евразийскую интеграцию. Этот выбор был ясно обо-

²⁴ Sutela, P. EU, Russia, and Common Economic Space. Helsinki: BOFIT, No.3, 2005, p. 5. URL: http://www.suomenpankki.fi/bofit/tutkimus/tutkimusjulkaisut/policy_brief/Documents/bon0305.pdf?hl=ecu

²⁵ Klitsunova, E. EU-Russia Relations through the Prism of Four Common Spaces: How Russia Views Them // A. Duleba (Ed.), Searching for New Momentum in EU—Russia Relations: Agenda, Tools and Institutions. Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2009, p. 147; Sutela, P. EU, Russia, and Common Economic Space, p. 5.

²⁶ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (далее – СПС). Ст. 55.

²⁷ Приложение I. Концепция общего европейского экономического пространства (ОЕЭП). Принято в Риме 6 ноября 2003 года. П. 12. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3837>. См. также: Долгов С. И. Общее экономическое пространство — новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 9. С. 7-9; Sutela, P. EU, Russia, and Common Economic Space, p. 6.

²⁸ См Pursiainen, C. The Ambiguity of the Common European Economic Space: a Strength or A Weakness? RECEP paper. 2004.

²⁹ «Дорожная карта» по общему экономическому пространству. 2005.

значен в 2009 году, когда было принято решение ускорить формирование Таможенного союза с Беларусью и Казахстаном, на основе которого впоследствии был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Стремление подчеркнуть статус России как равного партнера ЕС проявлялось и в других областях сотрудничества. Именно поэтому, как было отмечено выше, Москву не устраивал «севильский механизм», на основе которого она могла принимать участие в ведомых ЕС операциях по регулированию кризисов, но не наоборот. Требование взаимности существенно повлияло на ход ориентированного на конкретные результаты диалога России и ЕС по вопросам верховенства закона и прав человека, а также незаконченных переговоров о заключении нового базового договора, который должен был сменить СПС.

За последние 15 лет Москва также все больше отходила от принципа **ценностной обусловленности** отношений с Европейским союзом. Такая обусловленность была предусмотрена подписанным в 1994 г. СПС, где говорилось, что «всестороннее осуществление партнерства предполагает продолжение и завершение Россией политических и экономических реформ». В частности, признавалось первостепенное значение «верховенства права и уважения прав человека, прежде всего прав меньшинств, создания многопартийной системы со свободными и демократическими выборами и экономической либерализации, имеющей целью создание рыночной экономики»³⁰. Определяя новую основу взаимодействия с ЕС, Москва стремилась к оформлению договорных отношений, базирующихся не на общих ценностях, а на общих интересах, с тем чтобы оградить себя от нормативного влияния со стороны ЕС и очистить отношения с ним от политических условий³¹.

На протяжении последнего десятилетия между Россией и ЕС накапливались и нарастали разногласия в том, что касается целей их политики в отношении **общих соседей**. Разная направленность их политики давала все больше поводов описывать ее в терминах конкуренции³² интеграционных проектов, которые Россия и ЕС предлагали соседним странам и которые зачастую ставили последние перед трудным выбором «или–или». С самого начала Москва, насколько это представлялось возможным, исключала отношения с общими соседями из повестки дня сотрудничества с ЕС³³ в сфере внешней безопасности.

Противоречия между Россией и ЕС в этой области стали нарастать особенно с 2009 года после запуска ЕС политики Восточного партнерства. Перспектива политической ассоциации и интеграции с ЕС, предлагавшаяся Европейским союзом соседствующим с Россией странам Восточной Европы и Кавказа, была воспринята Москвой как политика, направленная на их отрыв и разрыв интеграционных связей с Россией³⁴. С этого времени политика ЕС

³⁰ СПС. Преамбула

³¹ Zagorski, A. A Strategic Partnership Lacking a Strategic Vision // A. Duleba (Ed.). Searching for New Momentum in EU—Russia Relations: Agenda, Tools and Institutions, pp. 115–136.

³² См., в частности: Popescu, N., Wilson, A. The Limits of Enlargement-lite: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood. London: ECFR, 2009.

³³ Sutela, S. EU, Russia, and Common Economic Space, p. 5.

³⁴ Zagorski, A. Eastern Partnership from the Russian Perspective // Internationale Politik und Gesellschaft. 2011, No.3, pp. 41–61.

в Восточной Европе воспринималась в Москве как все более ревизионистская, переступающая «красные линии», никогда и никем не зафиксированные официально, но решительно отстаиваемые российским политическим классом³⁵. Москва не раз давала Брюсселю понять, что направленная на интеграцию восточных соседей с ЕС политика несовместима с развитием стратегического партнерства с Россией³⁶. Кульминацией этой конкуренции стал кризис, разразившийся на Украине и вокруг нее в 2013 и 2014 годах.

Нынешний кризис в отношениях России и ЕС, а также в целом России и Запада высветил еще более фундаментальные разногласия, касающиеся **основ европейского порядка**, его архитектуры, а также места и роли в нем России и общих соседей России и ЕС³⁷. У Москвы и Брюсселя сегодня не только нет согласованного долгосрочного видения их отношений как одного из важнейших звеньев европейской архитектуры, но они не сформулировали и свои позиции относительно того, как они видят эти отношения в ближайшей перспективе. Ранее согласованная ими цель формирования общего европейского экономического пространства, основанного на совместимых системах регулирования и административной практики, задолго до нынешнего кризиса отошла на задний план, а новые цели так и не были поставлены.

Приверженность Москвы формированию общего пространства, как оно было определено в 2003 г., сегодня отнюдь не очевидна. Скорее всего, Россия больше не ставит перед собой такую цель. По общим оценкам, усилия, направленные на выстраивание «общих пространств» с ЕС и развитие «Партнерства в целях модернизации» потерпели неудачу во многом по причине разногласий по более общим вопросам³⁸. Москва постоянно выдвигала все более амбициозные предложения, в частности, по формированию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, включающего ЕАЭС³⁹, а на более позднем этапе добавила еще и Китай к концепции «Большой Евразии»⁴⁰. Однако все эти предложения вели только к постепенному размыванию идеи повышения уровня совместимости систем регулирования в России и ЕС и к сужению политической поддержки этой цели. Подобные предложения отражали переориентацию России на заключение более простой сделки, которая позволила бы ей обменивать энергоресурсы на новейшие европейские технологии и инвестиции⁴¹. И в то же время – оградить соседей от дальнейшего проникновения западных институтов, а свое внутреннее пространство – от влияния Запада.

ЕС же, в котором сегодня нет единства по вопросу о долгосрочных целях политики в отношении России, судя по всему, движется в прямо противो-

³⁵ Zagorski, A. A Strategic Partnership Lacking a Strategic Vision. pp. 128, 132.

³⁶ Там же, с. 133.

³⁷ См., в частности: Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Новая повестка отношений между Россией и ЕС. С. 4.

³⁸ Там же, с. 4.

³⁹ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 03.10.2011. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>

⁴⁰ Проект «Большая Евразия» объявлен открытым // Российская газета. 20.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryti-dlia-evropy.html>

⁴¹ Мешков А. Россия – Европа: что дальше? // Международная жизнь. Москва, 2015. № 9. С. 11.

положном направлении. Отказавшись от риторики «стратегического партнерства», в марте 2016 года ЕС сформулировал цели своей политики в отношении России⁴², которые могут вызвать у Москвы лишь еще большее недоверие и беспокойство и усиливают восприятие ЕС как «ревизионистской» силы, намеренной и дальше продвигать политику Восточного партнерства, расширять свое присутствие в Центральной Азии и укреплять сотрудничество с российским гражданским обществом. При этом трудно сказать, означает ли признание необходимости подключения Москвы к решению вопросов, представляющих интерес для ЕС, готовность самого Евросоюза отвечать России взаимностью и сотрудничать с ней по вопросам, которые в повестку дня ставит Москва.

⁴² Outcome of the Council meeting. 3457th Council meeting. Foreign Affairs. 7042/16. Brussels, March 14, 2016.

4. Механизмы сотрудничества

В ходе украинского кризиса ЕС приостановил работу всех официальных институтов и механизмов диалога с Россией, созданных на основе СПС: саммитов, проходивших два раза в год, встреч российского правительства и Европейской комиссии (раз в два года), Постоянного совета партнерства на уровне министров, Комитета парламентского сотрудничества, а также многочисленных отраслевых диалогов и рабочих групп. Однако, как отмечалось выше, диалог по широкому кругу практических вопросов, представляющих взаимный интерес, не был прерван⁴³ и продолжается на уровне экспертов, а иногда и на уровне министров, хотя и вне официальных форматов.

Эффективность и целесообразность сохранения в будущем плотной сети диалогов Россия–ЕС подвергается сомнению⁴⁴. Часто утверждается, что со временем эти диалоги превратились в бесплодные разговоры, результаты которых по сравнению с изначальными ожиданиями относительно скромны. Однако эта критика обоснована лишь отчасти, поскольку сотрудничество на уровне экспертов в первую очередь страдает от отсутствия ясно сформулированных политиками целей и постепенной эрозии согласованного понимания долгосрочной перспективы развития отношений России и ЕС.

В то же время диалоги на *рабочем уровне* стали важным инструментом обмена опытом и передовой практикой. Они успешно справлялись с задачами взаимного информирования о предстоящих нормативно–правовых изменениях, позволяя избегать неожиданностей, выявлять потенциальные проблемы и обсуждать варианты их решения до того, как эти проблемы будут вынесены на обсуждение на политическом уровне или переданы в ВТО. Они также позволяли России и ЕС регулярно сверять позиции по вопросам, обсуждаемым в рамках более широких международных форумов, таких как ВТО или «Группа двадцати»⁴⁵. Регулярный диалог на экспертном уровне, который не пострадал от санкций ЕС, и сейчас позволяет решать эти задачи.

Очевидно, слабым звеном диалоговых механизмов России и ЕС был не столько экспертный, сколько *средний уровень*. Постоянные советы партнерства, встречи которых проводились на уровне профильных министров, должны были обеспечить апробацию подготовленных экспертами рекомен-

⁴³ Консультации Россия–ЕС по наркопроблематике, проведенные в сентябре 2016 года, служат одним из примеров продолжения экспертных диалогов. См.: О консультациях Россия–ЕС по наркопроблематике // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. URL: <http://russiaeu.ru/ru/novosti/o-konsultaciah-rossia-es-po-narkoproblematike-0>

⁴⁴ Механизмы и институты взаимодействия России и ЕС рассматриваются, в частности, в работе: Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Новая повестка отношений между Россией и ЕС. С. 7–9.

⁴⁵ См., в частности: EU—Russia Common Spaces Progress Report 2011. February 2012; Progress Report approved by the Coordinators of the EU—Russia Partnership for Modernization for information to the EU—Russia Summit on 28 January 2014. January 28, 2014, p. 1–2.

даций, а также согласование решений, по которым эксперты не смогли договориться, прежде чем эти вопросы будут вынесены на политический уровень. По целому ряду причин, включая нерегулярность заседаний многих отраслевых Постоянных советов партнерства, не в последнюю очередь обусловленную частыми изменениями состава и структуры российского правительства, министерский уровень не всегда выполнял эту функцию должным образом и не обеспечивал необходимую «вертикальную» коммуникацию в рамках механизмов взаимодействия России и ЕС.

Главный вопрос, однако, заключается не в том, насколько эффективно диалоговые механизмы работали в прошлом, а в том, следует ли России и ЕС по окончании кризиса возобновить эти диалоги в прежнем режиме, или же их архитектуру необходимо будет менять. Однозначного ответа на этот вопрос не будет до тех пор, пока стороны не сформулируют цели их будущего сотрудничества. Если Россия и ЕС договорятся возобновить работу по гармонизации (обеспечению совместимости) их систем регулирования и административной практики, будут востребованы и многие из прежних механизмов взаимодействия.

До тех пор, пока стороны не внесут ясность в вопрос о том, какие общие долгосрочные цели они ставят перед собой, диалог между ними по представляющим взаимный интерес вопросам будет продолжаться главным образом в форме регулярных консультаций на рабочем уровне, при необходимости – на рабочих встречах на уровне министров. При этом важно понимать, что даже самый плотный диалог на экспертном (техническом) уровне не позволит придать взаимным отношениям необходимый политический импульс или сформулировать более или менее целостную концепцию будущих отношений России и ЕС. Определение общей цели и обеспечение политического руководства — задача, которая может быть решена только на политическом уровне. Поэтому саммиты Россия–ЕС останутся незаменимой частью механизма их взаимодействия.

Какую бы форму ни приняла архитектура механизмов управления сотрудничеством России и ЕС в будущем, она должна отталкиваться от соответствующих положений СПС. По крайней мере до тех пор, пока одна из сторон не выйдет из соглашения или его не заменит другой документ. Это также подразумевает, что в какой-то момент саммиты возобновятся, хотя, возможно, в дальнейшем они будут проводиться один, а не два раза в год. Их полноценная подготовка вряд ли будет возможна без проведения встреч Постоянного совета партнерства, структура которого будет определяться предстоящей повесткой дня сотрудничества России и ЕС.

5. Выводы и рекомендации

1. Понимая, что в ближайшее время взаимодействие России и ЕС будет поддерживаться в основном на рабочем (экспертном) уровне, следует признать, что определить общую цель сотрудничества — какой бы она ни была — невозможно без **возобновления диалога на политическом уровне**, который в настоящее время приостановлен в связи с кризисом на Украине. Для того чтобы диалог был эффективным, Москва должна сформулировать свои ожидания от сотрудничества. Государствам-членам ЕС также еще предстоит выработать консенсусное видение будущих отношений с Россией, не ограничиваясь той куцей формулой, которая была принята ими в марте 2016 года.

2. Учитывая, что урегулирование украинского кризиса и выполнение минских соглашений 2015 года, со всей очевидностью, затягивается, диалог России и ЕС не должен оставаться заложником этого процесса. Необходимо как можно скорее запустить **параллельное** с минским процессом обсуждение фундаментальных аспектов их отношений, при этом подтвердив, что минские соглашения должны быть **полностью** и добросовестно выполнены **всеми** сторонами.

3. ЕС и России следует в приоритетном порядке **начать обсуждение последствий реализации соглашений об ассоциации и о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли**, заключенных ЕС с рядом стран Восточного партнерства. Это поможет снять обоснованную обеспокоенность российской стороны путем урегулирования вопросов торгового, технического регулирования и ряда других, где в этом возникает необходимость, с тем чтобы способствовать восстановлению и стимулированию взаимной торговли (в том числе между Россией и странами Восточного партнерства), а не препятствовать ей. Такие консультации целесообразно начать на экспертном уровне с целью определить перечень подлежащих обсуждению вопросов и рассмотреть возможные варианты их решения. Эта работа должна учитывать опыт трехсторонних консультаций между Россией, ЕС и Украиной, проходивших в 2015 году, но к ним целесообразно также подключить Грузию и Молдову, также заключившие соглашения об ассоциации с ЕС в 2015 году. Эти вопросы нужно решать в духе сотрудничества — аналогично тому, как Россия и ЕС прорабатывали вопрос о последствиях расширения Европейского союза в 2004 году для российской торговли со странами Центральной и Восточной Европы.

4. ЕС необходимо рассмотреть возможность **диалога с Евразийской экономической комиссией** по вопросам, входящим в сферу ее компетенции, таким как техническое регулирование, не ограничиваясь текущим форматом технического взаимодействия. Это обеспечит для стран общего соседства максимальную совместимость ассоциации с ЕС и членства в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)⁴⁶. Инициация и развитие диалога между Ев-

⁴⁶ Анализ возможностей для между ЕС и ЕАЭС см.: Tony van der Togt, Francesco S. Montesano, Iaroslav Kozak. From Competition to Compatibility. Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations. Clingendael, 2015.

ропейской комиссией и Евразийской экономической комиссией позволит начать обсуждение подходов к формированию общеевропейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока и, в частности, изучение целесообразности постановки вопроса о создании зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС⁴⁷.

5. Москва и Брюссель должны возобновить полномасштабный диалог по актуальным для них вопросам, в частности, **энергетический диалог**, не дожидаясь согласования концепции дальнейших отношений между Россией и ЕС на политическом уровне. С учетом динамичных изменений на европейском и мировом энергетических рынках обеим сторонам необходима долгосрочная предсказуемость как предложения, так и спроса на энергоресурсы, без которой невозможно принятие обоснованных долгосрочных инвестиционных решений.

6. Дальнейшее сотрудничество России и ЕС в сфере обороны и урегулирования кризисов, даже если оно и возможно, еще долгое время будет маловероятно. Однако **консультации по вопросам внешней политики и безопасности** должны продолжаться. Регулярные (как правило, раз в месяц) встречи постоянного представителя России при ЕС с руководством Комитета ЕС по внешней политике и безопасности⁴⁸ на обозримую перспективу останутся основным каналом для проведения таких консультаций.

7. Желательно и возобновление диалога по вопросу о дальнейшей либерализации визового режима в отношениях между Россией и ЕС, однако быстрого прогресса в этом направлении в ближайшем будущем, наверно, ожидать не приходится.

⁴⁷ См., в частности: Free Trade from Lisbon to Vladivostok. A Tool for Peace and Prosperity: The Effects of a Free Trade Area between the EU and the Eurasian Region. Focus Paper. Gütersloh: Carl-BertelsmannStiftung, 2016.

⁴⁸ Встречи Постпреда по линии КВПБ ЕС // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе.

6. Приложения

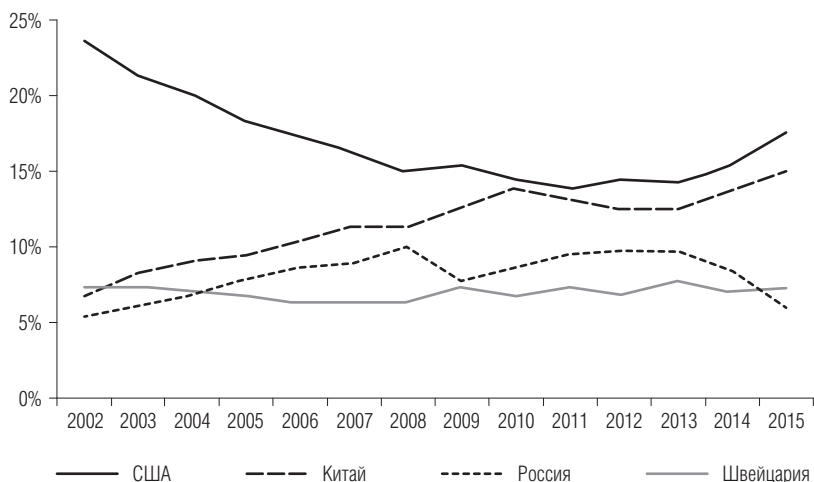

Рисунок 1. Торговля ЕС, 2002-2015 гг.

Источник: Евростат

URL: http://www.eeas.europa.eu/top_stories/2016/010416_ru.htm.

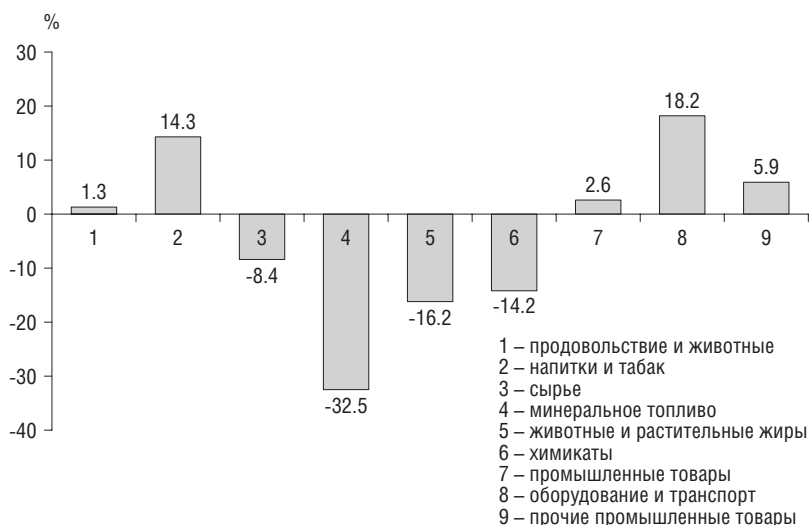

Рисунок 2. Импорт ЕС из России, изменение в 2015 году

Источник: Евростат

URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113440.pdf.

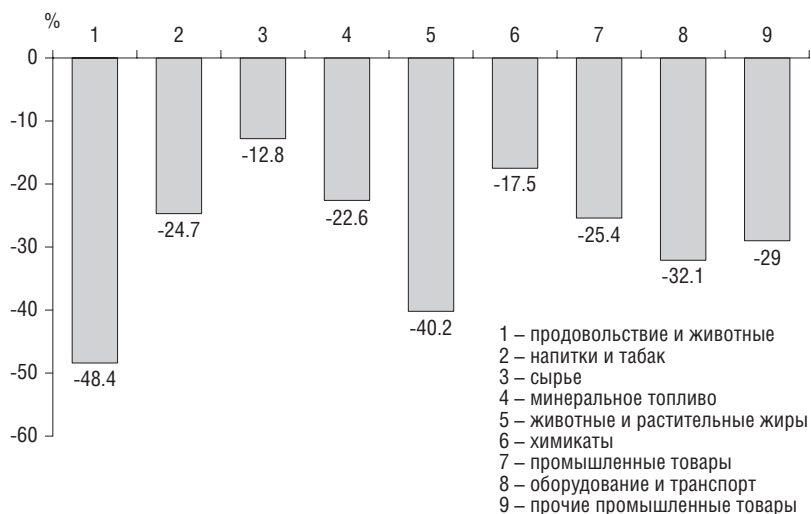

Рисунок 3. Экспорт ЕС в Россию, изменение в 2015 году

Источник: Евростат

URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113440.pdf.

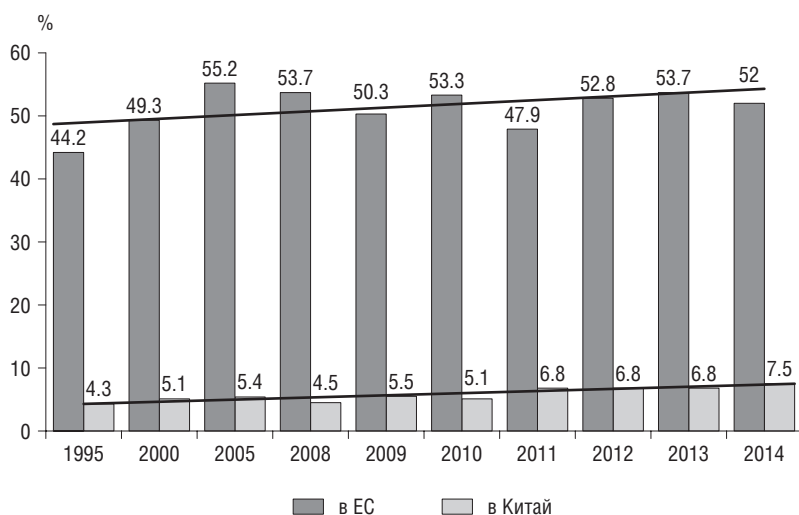

Рисунок 4. Доля ЕС и Китая в российском экспорте

Источник: на основе данных Росстата.

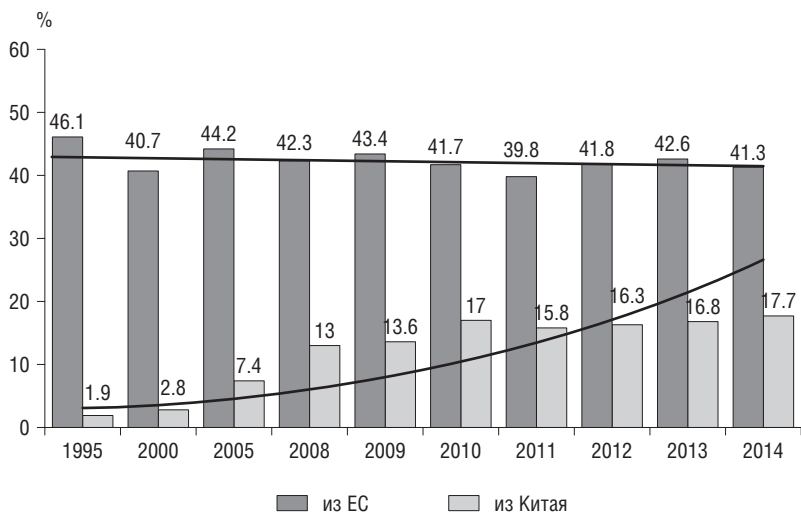

Рисунок 5. Доля ЕС и Китая в российском импорте

Источник: Росстат.

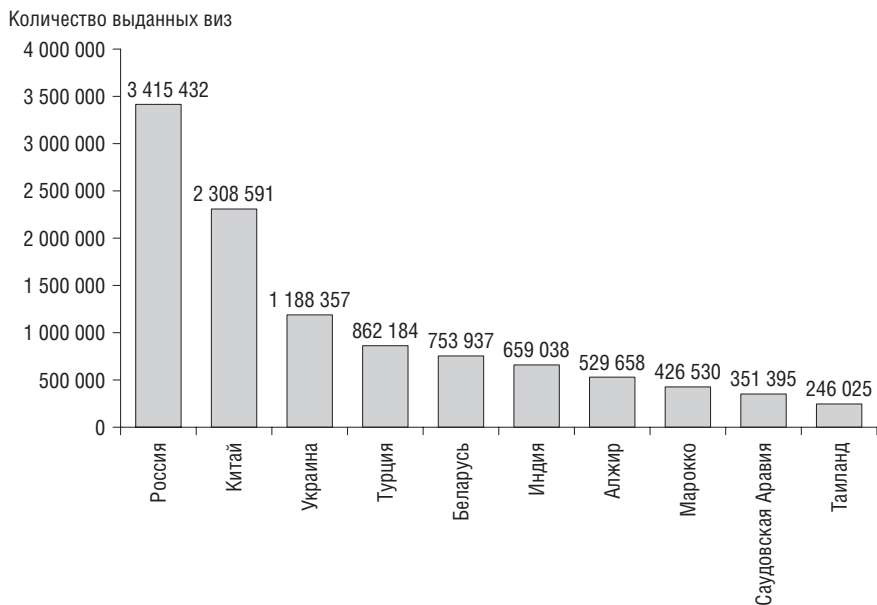

Рисунок 6. Количество шенгенских виз, выданных в 2015 году

Источник: Schengen Visa Statistics by Third Country — 2015
 URL: <http://www.schengenvisainfo.com/schengen-visa-statistics-third-country-2015/>

Об авторе

Загорский Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, окончил МГИМО. С 2011 г. заведует отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. С 1992 по 1999 гг. занимал должность проректора МГИМО по научной работе, с 2000 по 2001 гг. – старший вице-президент и директор проекта Института Восток–Запад в Праге. С 2002 года занимает должность профессора Женевского центра политики безопасности. Автор более 350 научных работ по вопросам российской внешней политики и безопасности, европейской безопасности, контроля над вооружениями, отношений на постсоветском пространстве, международного сотрудничества в Арктике, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Российский совет по международным делам

РОССИЯ И ЕС НА ПЕРЕПУТЬЕ
ОБЩИЕ И РАСХОДЯЩИЕСЯ ИНТЕРЕСЫ

Верстка — В.В. Пучков

Источники фото на обложке:
справа наверху: REUTERS/Yves Herman
слева внизу: REUTERS/Stoyan Nenov
справа внизу: REUTERS/Christian Charisius

Тираж 500 экз.

Для заметок

Для заметок